

DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.3

УДК 316.3, ББК 60.52

© Зубок Ю.А., Чупров В.И.

Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе

**Юлия Альбертовна
ЗУБОК**

доктор социологических наук
Институт социально-политических исследований РАН
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1
uzubok@mail.ru

**Владимир Ильич
ЧУПРОВ**

доктор социологических наук
Институт социально-политических исследований РАН
119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1
chuprov443@yandex.ru

Аннотация. Социологическая интерпретация реальности и процессов, происходящих в ней, определяется различными подходами к пониманию ее сущности. Все многообразие этих подходов в конечном итоге сводится к ее определению как действительности социального мира, в которой отражаются, с одной стороны, все объективно существующие явления и процессы, а с другой – субъективные представления людей об объективной действительности. Социальная действительность как объективная социальная реальность существует вне субъекта социального познания, т.е. объективно. Каждое новое поколение, вступая в жизнь, застаёт унаследованную от родительских поколений сложную систему экономических, социальных, политических

Для цитирования: Зубок, Ю.А. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 41-57. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.3

For citation: Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Changing social reality amid crisis in the Russian society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, volume 10, no. 1, pp. 41-57. – DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.3

структур, институтов, организаций со сложившимися в них отношениями, образующих социальную инфраструктуру объективной реальности (социальной действительности). Но люди непосредственно воспринимают ту часть объективной реальности, в отношении которой располагают собственными знаниями. Благодаря знанию о той или иной ее стороне, различных объектах реальности возникает более или менее адекватное субъективное представление о ней. Поэтому в исследовании социальной реальности основное внимание уделяется процессу формирования субъективных представлений об объектах социальной действительности и отношения к ним, что входит в предметную область социологии знания. То есть с позиций социологии знания объектом изучения является не реальность, а представления о реальности. Исходя из субъективных представлений об окружающей действительности, люди конструируют собственную реальность. Эти представления меняются под влиянием различных факторов, что отражается на изменении социальной реальности в процессе ее конструирования. Значимым фактором изменения является кризис, охвативший все сферы жизнедеятельности российского общества. В статье дается анализ влияния кризиса на изменения социальной реальности в различных группах населения России и выясняется, как это отразилось на их отношении друг к другу, к семье, к труду, к образованию. На основе анализа данных всероссийского исследования выявлено противоречие между традиционными образцами отношения россиян друг к другу, к семье, к труду, к образованию и формирующимися современными. В условиях кризиса это противоречие имеет тенденцию к обострению в связи с невозможностью сохранения привычных принципов, обуславливающих прежний образ жизни, что приводит к состоянию неопределенности и конструированию новых форм определенности посредством смены жизненной парадигмы.

Ключевые слова: изменяющаяся реальность, кризис, межличностные взаимодействия, семья, труд, образование.

1. Изменение как имманентное свойство социальной реальности

С позиций феноменологической социологии знания социальная реальность, будучи объектом когнитивного интереса человека, вовлеченного в процесс познания, «существует только в сознании его субъектов» (М. Хайдеггер). По определению А. Шюца, под термином «социальная реальность» понимается «вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций»¹. В ходе познания реальности перемешиваются личный и групповой

опыт, индивидуальные и общие чувства, новейшие экспертные оценки и традиционные представления, складывающиеся в единый образ реальности².

При этом социальный мир дискретен и изменчив. Он являет собой постоянно меняющееся сочетание различных сфер реальности. По выражению П. Бергера и Т. Лукмана, «я осознаю мир как состоящий из множества реальностей», которые, во-первых, могут быть не связаны друг с другом, во-вторых, могут быть в постоянном изменении³. Соответственно и общество в целом и его отдельные элементы — социальные группы, общности, организа-

¹ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. — М., 1994. — С. 485.

² Barkan S.E. Sociology: Understanding and Changing the Social World. Jussim, L.J. Social Perception and Social Reality: why accuracy dominates bias and self-fulfilling prophecy. Oxford University Press, 2012.

³ Berger P, Lucman T. The Social Construction of Reality. N.Y., 1967, P. 21.

ции, институты не могут существовать в неизменном виде. Внутри них непрерывно протекают какие-то процессы, что-то меняется под влиянием как внутренних (эндогенных), так и внешних (экзогенных) факторов. Становясь субъектами и объектами этих изменений, люди постоянно переконструируют собственную реальность. Взаимодействуя друг с другом в изменяющихся структурах и получая новые знания об их реальном состоянии и характере происходящих изменений, они корректируют образы объектов социальной реальности и свое отношение к ним. Но лишь те объекты, которые осознаны человеком как пространство собственной жизнедеятельности, и становятся для него реальными.

В социологическом анализе изменений социальной реальности упор делается на понятие «социальное». При этом имеются в виду не любые изменения, происходящие в обществе, а те, которые нашли отражение в обыденном сознании людей в процессе их социальных взаимодействий. То есть в основе изменений социальной реальности лежат социальные изменения. Причем, как отмечает П. Бурдьё, наиболее фундаментальные социальные изменения происходят не тогда, когда утверждаются новые структуры, а когда изменяется габитус (поведенческая предрасположенность к определенной деятельности).

Существующие теории социальных изменений хотя и отличаются многообразием подходов к их социологической интерпретации, сходятся в утверждении об изменяющейся природе общества. В каждой из них обосновываются механизмы, с помощью которых они производят и воспроизводят социальную реальность. При этом в ней отражаются не сами механизмы, а результаты их действий в социальной действительности — реальные социальные изменения. А сама социальная реальность

утверждается как изменяющаяся, гибкая, вместе с тем реконструирующаяся и неизменно усложняющаяся⁴.

Понимание социальной реальности как изменяющейся связано с процессом ее конструирования. В концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана раскрывается процесс ее объективации во взаимодействии с другими людьми. То есть содержится ответ на вопрос о том, как субъективное восприятие реальности приобретает объективную форму. Конструирование социальной реальности в феноменологической парадигме — это «непрерывное производство людьми конкретных значений, символов, которые образуют субъективную реальность»⁵. Непрерывность производства новых для себя знаний в процессе конструирования людьми собственной реальности предполагает постоянство ее изменения.

Так, в условиях рыночных отношений человек, не включенный непосредственно в них, корректирует свои взаимодействия с другими на основе новых для него реалий. Изменение ролевых структур в семейной сфере позволяет молодым людям воспринимать как должные новые формы брачных отношений (например, так называемый гражданский брак). Либерализация в сфере труда раскрывает новую реальность в отношениях между работником и работодателем. Превращение образования в сферу услуг становится новой реальностью во взаимодействиях студентов с

⁴ Alexander J. C. *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. N.Y.: Oxford University Press, 2003; Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003; Штомпка П. *Социология. Анализ современного общества*. М.: Логос, 2005; Bauman Z. *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press, 2009; Bauman Z. *Culture in a Liquid Modern World*. Cambridge: Polity Press, 2011.

⁵ Кравченко С.А. *Социологический энциклопедический русско-английский словарь*. М.: Руссо, 2002. — С. 174.

преподавателями. Во всех перечисленных ситуациях действует механизм объективизации индивидуального опыта посредством типизации внешних условий, что способствует расширению объектов социальной реальности в сознании индивидов.

Формы производства и распространения знаний различаются в разных социальных условиях. Они зависят не только от способности к саморефлексии жизненного опыта, но и от доступности различных способов их приобретения и передачи посредством образования, литературы, профессиональной подготовки, что также социально обусловлено. Чем больше возможностей для приобретения знаний, тем шире пространство социальной реальности и предметная область ее изменения.

В условиях кризиса, органически присущего рынку и являющегося одним из его регулирующих инструментов, изменяющаяся природа социальной реальности приобретает новые проявления, связанные не только с обострением рыночных противоречий, но и с возникновением новых возможностей для оптимизации социальных взаимодействий в различных сферах общества.

По данным Росстата⁶, в кризисном 2014 году по сравнению с 2011 годом индекс промышленного производства снизился со 105 до 101,7%, а индекс производительности труда в целом по экономике со 103,8 до 100,8%. Начавшийся с 2010 года подъем экономики замедлился, приобретя к 2015 году отрицательную динамику; разрыв в объемах импорта и экспорта товаров в России увеличился с 3,3 до 5,4 раза в пользу товаров иностранного производства⁷. Снижение объемов производства не могло не отразиться на росте инфляции, ко-

торая составила 11,4%. Падение мировых цен на нефть, по оценкам Центробанка России, отчасти привело к девальвации рубля — на 30 п.п. с начала 2014 года, а санкции дополнительно ослабили рубль на 20 п.п. Приобретая долгосрочный характер, кризис отразился на материальном положении россиян. Отмечено снижение роста их среднедушевых доходов со 109,6% в 2011 г. до 107,1% в 2014 г. на фоне роста цен, в т.ч. на товары первой необходимости. Индекс потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации составил в 2014 г. 111,35%. Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения возросла за этот период с 6369 рублей в месяц до 8050 рублей. В 2015 году число россиян с доходами ниже прожиточного минимума увеличилось на 3,1 млн. чел. (почти на 20%). В то же время численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в 2015 году составила более 19 млн. чел., т.е. 13,4% общей численности населения⁸. Более половины жителей страны (56%) признались в неспособности существовать без государственной поддержки⁹. Такова объективная действительность, которая с неизбежностью изменяет субъективную, отражаясь в социокультурных характеристиках россиян, особенно молодежи¹⁰.

Рассмотрим, как отразились эти изменения на представлениях россиян о социальной реальности.

⁸ Росстат/ [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>

⁹ Российское общество и вызовы времени. Книга первая [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. — М. : Весь мир, 2015. — 336 с. с. 34, 41-42.

¹⁰ Леонидова, Г.В., Головчин М.А. Трансформация социокультурных характеристик молодежи : динамика оценок за 2012-2015 гг. // Здоровье молодежи: сравнительное исследование. Россия, Беларусь, Польша: коллективная монография. — М.: Экон-Информ, 2016. — С. 191-208; *Ilišin V., Bouillet D., Gvozdanović A., Potočnik D.* Youth in a Time of Crisis. Institute for Social Research — Friedrich Ebert Stiftung, Zagreb, 2013.

⁶ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru

⁷ Регионы России: социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 1266 с.

2. Тенденции и противоречия в изменяющейся социальной реальности

Кризис усиливает состояние неопределенности в процессе конструирования людьми собственной реальности. Социальная неопределенность сопряжена с появлением новых структур и норм, новых аспектов отношений, с которыми им приходится сталкиваться в изменяющейся реальности. Возникающие социальные связи, отношения, взаимодействия, с одной стороны, выступают необходимым источником выбора возможностей в конструировании социальной реальности, а с другой — превращенные в реальность, они становятся определенностью. Поэтому неопределенность и определенность являются фазами процесса социального конструирования изменяющейся реальности. При переходе неопределенности и определенности из одного состояния в другое возникают риски, которые, в свою очередь, влияют на изменение реальности, придавая ей рискогенный характер.

Опираясь на данные сравнительных исследований, проведенных в относительно благополучном 2011 году и кризисном 2014 году¹¹, рассмотрим, как изменяется социальная реальность в отношениях людей друг к другу, в семье, в труде, в образовании.

Кризисные изменения реальности в межличностных взаимодействиях. В процессе взаимодействий, оценивая друг друга, люди не всегда принимают во внимание индивидуально-личностные проявления, а руководствуются обобщенными (образ-

ными) социально-личностными характеристиками. Причем чем более формализованы взаимодействия, тем больше обращается внимание на социальные характеристики личности, образующие в совокупности образ Другого. К ним относятся морально-этические, статусные, социокультурные, поведенческие. Поэтому изменение образа Другого в условиях кризиса рассматривается как признак и фактор изменяющейся социальной реальности в межличностных взаимодействиях.

Сравнительный анализ показал, что в отношении россиян к Другим, как к партнерам межличностных взаимодействий, доминируют этические социально-личностные характеристики. Выстраивая отношения друг с другом, российские граждане ожидают проявления прежде всего моральных (82,9% в 2011 г. и 82,6% в 2014 г.) и деловых (53,3% в 2011 г. и 55,7% в 2014 г.) качеств. Как видно, значения моральных и деловых качеств Других практически не изменились в кризисном 2014 году, что свидетельствует об устойчивости морально-этических критериев в оценке россиянами друг друга, которые остаются доминирующими в условиях не только социальной стабильности, но и кризиса.

Статусные и поведенческие характеристики партнеров принимаются во внимание в межличностных взаимодействиях в меньшей степени, хотя их влияние в условиях кризиса возрастает. Соотношение значений «влияют» и «не влияют» проявлялось следующим образом. В связи с общественным положением партнера (как 39% к 61% в 2011 г. и 45,1% к 54,9% в 2014 г.); с принадлежностью к определенному кругу (как 45% к 55% в 2011 г. и 52,2% к 47,8% в 2014 г.); с принадлежностью к политической партии (как 13,5% к 86,5% в 2011 г. и 20,8% к 79,2% в 2014 г.); с активностью в общественной жизни (как 42,4% к 57,6% в

¹¹ Исследования проведены отделом социологии молодежи ИСПИ РАН по репрезентативной для взрослого населения России выборке в 66 населенных пунктах в 13 регионах РФ. В 2011 г. опрошено 1301 чел. в возрасте от 18 лет и старше, в 2014 г. — 1459 чел. в возрасте от 15 лет и старше. Рук. — д. соц. н., проф. Ю.А. Зубок и д. соц. н., проф. В.И. Чупров. Полевой этап исследований осуществлен Институтом общественного мнения «Квалитас» под руководством д. соц. н. Н.А. Романович.

2011 г. и 45,2% к 54,8% в 2014 г.); с успешностью (как 43% к 57% в 2011 г. и 47,4% к 52,6% в 2014 г.); с лидерскими качествами (как 39,8% к 60,2% в 2011 г. и 44,5% к 55,5% в 2014 г.). Обращает на себя внимание самая низкая оценка влияния на отношение к партнеру его принадлежности к политическим партиям, хотя значение и этой характеристики в кризисном 2014 году повысилось. То есть невысокая политизированность современных российских граждан в кризисном обществе повышается. Отсюда следует вывод, что в условиях кризиса роль статусных и поведенческих характеристик партнеров в пространстве социальной реальности в межличностных взаимодействиях возрастает. Это отражается в переконструировании людьми субъективной реальности.

Заметно повышается в условиях кризиса степень влияния социокультурных характеристик на отношение к партнеру. В связи с национально-этническими характеристиками соотношение значений «влияют» и «не влияют» составило в 2011 г. 22,2% к 77,8%, а в 2014 г. 28,2% к 71,8%; с принадлежностью к разным религиям — в 2011 г. 21% к 79%, а в 2014 г. — 29,8% к 70,2%. Это свидетельствует о росте межэтнической и межконфессиональной напряженности в отношениях друг к другу в условиях кризиса, что также отражается в изменении субъективной реальности.

Наиболее распространенной формой межличностных взаимодействий является общение. В процессе общения происходит, с одной стороны, познание личностных характеристик партнеров взаимодействий, а с другой — обмен знаниями об окружающей действительности. Поэтому ценность общения является важной базовой характеристикой межличностных отношений. Ответы на вопрос «В чем для Вас смысл повседневного общения с окружающими?»

предполагали анализ ценностного отношения к общению между субъектами межличностных взаимодействий, в котором выделялись терминальные и инструментальные ценности. Терминальная ценность общения (его самоценное значение для респондента) определялась набором смысловых значений: внутренняя потребность, удовольствие (общаться с приятным человеком), привычка (само по себе общение). Ее значение составило в 2011 г. 65,3% (внутренняя потребность — 24%, удовольствие — 35,2%, привычка — 6,1%) и в 2014 г. 60% (внутренняя потребность — 27%, удовольствие — 26,7%, привычка — 6,3%). Следовательно, в условиях кризиса общение остается для большинства россиян терминальной ценностью, хотя ее значение снижается.

При этом возрастает доля смысловых значений общения как инструментальной ценности (достижение посредством общения других целей), которые распределились следующим образом: общение — это средство (обмен информацией) — 19,1% в 2011 г. и 21,3% в 2014 г.; необходимость (по мере надобности) — соответственно 12,7 и 15,4%; долг вежливости — 2,9 и 3,3%. В целом инструментальная ценность общения составила 34,7% в 2011 г. и 40% в кризисном 2014 г.

В условиях кризиса во всех группах — по возрасту, уровню образования, материальному положению, типу поселения по месту жительства — четко прослеживается тенденция снижения значений терминальных ценностей общения и роста — инструментальных. В наиболее выраженной форме данная тенденция отмечена среди молодежи в возрасте 18–29 лет (инструментальная ценность общения составила 35% в 2011 г. и 40,1% в кризисном 2014 году) и в группе старше 50 лет (соответственно 32 и 40,6%); среди лиц с высшим

образованием (бакалавриат, специалитет, магистратура; 31 и 42,3%); в группе среднеобеспеченных по уровню материального положения (31 и 42,5%); среди городских жителей (33,3 и 42,6%). Инструментализация общения отражается в социальной реальности в межличностных взаимодействиях в различных социальных группах, определяя направленность ее изменения в кризисном российском обществе.

Таким образом, из проведенного анализа следует, что морально-этические характеристики исторически сформировавшегося образа Другого как объекта социальной реальности, практически не изменяющие своих значений в условиях кризиса, являются ее устойчивыми базовыми основаниями. В качестве таких оснований также выступают пока еще сохраняющие свой вес терминальные ценности общения.

Изменение в условиях кризиса социокультурных, социально-статусных и поведенческих характеристик образа Другого в межличностных взаимодействиях являются факторами изменяющейся социальной реальности. Они распределились по степени значимости индексов кризисных изменений¹² следующим образом: социокультурные (средний суммарный индекс равен 1,3), социально-статусные (1,27) и поведенческие (1,07). Среди социокультурных характеристик наиболее значимым фактором изменения социальной реальности в межличностных взаимодействиях оказа-

лись религиозные характеристики (1,35); среди социально-статусных – принадлежность к политической партии (1,55); среди поведенческих – лидерские качества (1,09). В социально-групповом разрезе социальная реальность в межличностных взаимодействиях в наибольшей степени изменяется в связи с различиями по уровню материального положения (1,21); по уровню образования (1,2); по типу поселения (1,2); по социально-возрастным особенностям (1,18). Выявленные в результате анализа факторы способствуют росту определенности и доверия в отношениях друг с другом в кризисном обществе, оказывая влияние на изменение социальной реальности в межличностных взаимодействиях.

Кризисные изменения реальности в семейных отношениях. Для определения тенденций и факторов изменяющейся социальной реальности в семейных отношениях служат показатели базовых характеристик образа семьи, рассматриваемого в качестве эмпирического референта отношения к ней. Показателями, из набора которых складывается обобщенный образ семьи, в данном исследовании являлись: семья как ценность, распределение ролей в семье, желаемое количество детей, характер отношения к детям, характер семейных связей (многопоколенная или однопоколенная семья), содержание семейных связей (независимость каждого члена семьи или общее ведение хозяйства), отношение к межнациональным бракам.

Ценностное отношение к семье анализировалось на основе распределения ответов на вопрос «В чем для Вас смысл семьи?» Семья как терминальная ценность определялась набором таких смысловых значений, как потребность (не могу представить свою жизнь без семьи); цель, т.е. просто должна быть; любовь. А инстру-

¹² «Индекс кризисных изменений» является показателем изменения уровня связи анализируемых характеристик с социально-групповыми факторами в кризисном 2014 году по отношению к значениям аналогичных характеристик в 2011 году. Степень значимости факторов изменения социальной реальности определялась на основе средних суммарных значений индексов кризисных изменений. При этом следует иметь в виду, что если границы исследуемого диапазона сужаются, то автоматически увеличивается значимость даже небольших различий в значимости факторов (в десятых и сотых балла).

ментальное отношение к семье определялось набором следующих смысловых значений: семья как средство (для карьеры, комфорта); как необходимость (чувство долга или чувство неловкости без семьи); как обуза. Отношение к семье, как к ценности, практически не изменилось по сравнению с 2011 годом. И в благополучные годы, и в условиях кризиса семья для большинства россиян (84,2%) остается значимой терминальной ценностью.

В 2014 году возросла доля респондентов, придерживающихся традиционного взгляда на роль мужа как главы семьи (с 33,1 до 40,9%) и сократилось число сторонников равноправного распределения ролей в семье (с 60,8 до 53,7%). Повышение роли мужчины в семье отразилось в некотором усилении авторитарных мотивов в отношении к детям, основанном на строгости и подчинении их воле родителей (с 11,4 до 16,7%). Сократился процент респондентов, одобritельно относящихся к межнациональным бракам (с 26,5 до 22,5%). С 21,3 до 18,3% снизилась доля респондентов, желающих иметь трех и более детей. Эти тенденции отражают изменившуюся социальную реальность в семейных отношениях в кризисном обществе.

Таким образом, в условиях кризиса семья остается базовой терминальной ценностью в социальной реальности россиян. Наибольшие изменения образа семьи как феномена социальной реальности связаны с представлениями россиян о распределении семейных ролей, о характере отношения к детям и к межнациональным бракам.

По степени значимости средних суммарных значений индексов кризисных изменений факторы изменяющейся социальной реальности распределились следующим образом: авторитарное, основанное на строгости и подчинении отно-

шение к детям (средний суммарный индекс равен 1,54); муж как глава семьи в распределении семейных ролей (1,24), равноправное распределение семейных ролей (0,91), одобritельное отношение к межнациональным бракам (0,85)¹³. Это означает, что в условиях кризиса отмечается повышающаяся тенденция доверия к традиционной модели семьи, и понижающаяся тенденции доверия к её современной модели.

В социально-групповом разрезе социальная реальность в межличностных взаимодействиях в наибольшей степени изменяется в связи с различиями по уровню материального положения (1,16), затем по типу поселения (1,13), по уровню образования (1,11) и по социально-возрастным характеристикам (1,11). То есть влияние кризиса на изменение социальной реальности в сфере семейных отношений существенно дифференцируется из-за неодинаковых условий жизни различных групп населения.

Кризисные изменения реальности в сфере труда. В конструировании образа труда определяющими являются те его смыслы, с которыми люди связывают свои ожидания. Общественный смысл труда раскрывается во взаимодействии с другими людьми в представлении о его целесообразности, полезности и эффективности. Личный смысл труд приобретает также в процессе интеракций посредством его оценки как меры потребления, а также способа самовыражения и самоутверждения. Из многообразия актуальных смыслов складывается субъективное представление о социальной реальности в сфере трудовых отношений.

¹³ Положительные значения индексов (выше единицы) свидетельствуют о повышающей тенденции изменения социальной реальности, а отрицательные (ниже единицы) — о понижающей тенденции.

В качестве эмпирических показателей образа труда в данном исследовании выступали: ценность труда, ожидания и возможности их реализации в сфере труда, этические характеристики трудовых отношений. Ценностное отношение к труду анализировалось на основе распределения ответов на вопрос «В чем для Вас смысл труда?» Труд как терминальная ценность определялся набором смысловых значений: ощущение своей полезности, внутренняя потребность, творчество. А инструментальное отношение к труду определялось набором следующих смысловых значений: возможность заработать, вынужденная необходимость, общение. При том, что на протяжении всего постсоветского периода отмечалась доминанта инструментального отношения к труду, в условиях кризиса возрастает значение терминальной ценности труда – с 27,7% в 2011 г. до 31,3% в 2014 г. Это означает, что активизируется, традиционно присущий россиянам потенциал самоценного отношения к труду, как к способу самореализации и самоутверждения. Данный вывод подтверждается тем, что в наборе смысловых значений ценностного отношения к труду выделяется рост необходимости ощущения своей полезности (18,4% в 2011 г. и 22,5% в 2014 г.). Причем самый высокий рост данной ценности труда отмечен в группах наиболее активного периода трудоспособного возраста (25-29 лет – с 12,1 до 22,3%; 30-39 лет – с 12,3 до 23,2%; 40-49 лет – с 14,8 до 23,8%). Отсюда следует, что традиционные ценности труда обладают способностью активизировать свою саморегуляционную функцию в экстремальных кризисных условиях.

Значимыми характеристиками образа труда являются ожидания, с которыми люди связывают свое представление о труде вообще, а не только о своей работе. В

ожиданиях отражаются их потребности и интересы, реализация которых возможна посредством труда. В зависимости от того, что они ожидают от труда, складывается и мотивация их трудовой деятельности, и отношение их к собственному труду.

По сравнению с 2011 годом в кризисном 2014 году снизились ожидания от труда интересной, творческой работы (с 34,6% в 2011 г. до 24,1% в 2014 г.), самоутверждения в коллективе (соответственно 14,6 и 9,5%) и даже повышения жизненного уровня (73,9 и 51,9%), но возросли надежды на обеспечение элементарных средств для существования (21,9 и 35,5%). Однако в разных возрастных группах кризисные изменения ожиданий, сохраняя выявленную тенденцию, заметно различаются как по уровню значений, так и по направленности изменений. Среди молодежи, например, на фоне снижающихся значений перечисленных ожиданий возрастает потребность в профессиональной самореализации (с 38,3 до 46,2% в группе 18-24 лет, и с 36,4 до 41,5% в группе 25-29 лет). В старших возрастных группах в большей степени, чем в других, заметно снижаются ожидания профессиональной самореализации (с 27,5 до 20,9% в группе 50-59 лет и с 26,4 до 14,7% в группе 60 лет и старше) и актуализируется потребность в обеспечении элементарных средств для существования (с 24,5 до 41,2% в группе 50-59 лет и с 20,5 до 44,1% в группе 60 лет и старше). При этом на вопрос «Насколько реализовались Ваши ожидания от труда?» каждый третий респондент ответил отрицательно (22,3% – «скорее не реализовались» и 7,7% – «не реализовались»).

Все это означает, что в условиях кризиса сужаются и область интересов в сфере труда, и возможности их реализации. Реальными становятся наиболее актуальные на данный момент потребности и интересы.

Фокусируя свои усилия на их реализации, люди активизируют внутренний потенциал, расширяя тем самым возможности для их удовлетворения. Таким образом, в изменяющейся реальности возрастает роль субъективного фактора, проявляющегося в предприимчивости и активности, направленных на преодоление кризиса.

Для анализа изменения этики труда в условиях кризиса в распределении ответов на вопрос «В какой мере перечисленные качества присущи в трудовых отношениях представителям Вашего поколения?» использовался ответ «Присущи в полной мере». Кризис заметно повлиял на изменение этики труда в разных поколениях россиян. Значения оценок таких качеств, как трудолюбие, честное, добросовестное отношение к труду, ответственность, бережливость, взаимопомощь, относящихся к архетипу россиян, наиболее заметно повысились в кризисном 2014 году среди молодежи, а также в группе 30-39 лет. Это свидетельствует о том, что в экстремальных кризисных условиях традиционные этические ориентации в сфере труда актуализируются в социальной реальности россиян. Одновременно в этих группах возросла доля респондентов, представляющих сторонников современной этики труда — чувства свободы и независимости ни от кого. То есть в социальной реальности россиян до сорокалетнего возраста, трудовая социализация которых проходила в постсоветский период, отмечается стремление адаптироваться к кризису, оптимизируя соотношение качеств традиционной и современной этики труда.

Однако в старших поколениях кризис вызывает неоднозначную реакцию. Наиболее противоречиво она проявляется в группе 40-49-летних россиян, у которых период вступления в трудовую жизнь со-

впал с концом перестройки и с развалом Союза. В этой группе, с одной стороны, отмечается, хотя и в меньшей степени, рост значений характеристик традиционной этики труда в кризисном 2014 году. А с другой — снижается значение такой традиционной характеристики, как взаимопомощь и поддержка друг друга (с 57,2% в 2011 г. до 51,5% в 2014 г.), и резко возрастает доля сторонников принципа «каждый за себя» (с 18,6 до 26%). В поколениях старше 50 лет в условиях кризиса происходит снижение значений оценок трудолюбия, ответственности, взаимопомощи и заметно возрастает значение принципа «каждый за себя». Это связано, скорее всего, с возрастными изменениями трудовой активности, субъективное восприятие которых усиливается в условиях кризиса угрозой увольнения по возрасту. Необходимость адаптации к изменяющимся условиям способствует вытеснению традиционных этических ориентаций более рациональными, основанными на индивидуализме, который становится значимым фактором изменения социальной реальности в сфере трудовых отношений в старшем поколении. То есть, принужденное к выживанию, старшее поколение утрачивает свою важнейшую функцию — сохранения и воспроизводства традиционных ценностей в трудовых отношениях.

Таким образом, в условиях кризиса произошли следующие изменения социальной реальности в сфере труда. На фоне инструментальной ценности труда, доминирующей в социальной реальности большинства россиян, в условиях кризиса заметно возрастает доля респондентов, относящихся к труду как к терминальной ценности. То есть активизируется традиционно присущий россиянам потенциал самоценного отношения к труду, как к способу самореализации и самоутверждения.

Активизация глубинных установок является своего рода регулятором в условиях кризиса, приобретая своеобразие в региональных условиях¹⁴.

Вместе с тем четко прослеживается тенденция рационализации ожиданий от труда и этики трудовых отношений, о чем свидетельствуют значения индекса кризисных изменений. В ожиданиях от труда: обеспечения элементарных средств для существования – 1,74; профессиональной самореализации – 0,72; интересной, творческой работы – 0,71; повышения уровня жизни – 0,7; самоутверждения в коллективе – 0,64; возможности для предпринимательской деятельности – 0,53. В этике трудовых отношений: чувство свободы и независимости ни от кого – 1,19; принцип – «каждый за себя» – 1,15; бережливость – 1,06; ответственность – 1,01; трудолюбие, честное добросовестное отношение к труду – 0,98; взаимопомощь, поддержка друг друга – 0,95. Это означает, что в условиях кризиса в социальной реальности россиян в сфере труда актуализируются первичные потребности (по А. Маслоу), обеспечивающие элементарные средства для существования, и снижается доверие к труду, как к способу личностной самореализации. Вместе с тем возрастает стремление к гармонизации этики труда путем оптимизации современных качеств, основанных на самоощущении свободы, независимости и индивидуализма, и традиционных – бережливости, ответственности.

В социально-групповом разрезе тенденции изменения социальной реальности в сфере труда связаны с различиями по уровню материального положения (0,98),

¹⁴ Головчин М.А. Ментальные основы формирования образа жизни у молодежи: на материалах Вологодской области // Проблемы развития территории. – 2016. – № 5. – С. 72-89.

по уровню образования (0,98) и по социально-возрастным характеристикам (0,98), а также в несколько меньшей степени по типу поселения (0,92). Отрицательные значения (меньше единицы) свидетельствуют о понижающей тенденции в изменяющейся социальной реальности в этих группах в условиях кризиса доверия к труду как возможности личностной самореализации.

Кризисные изменения в сфере образования. Отношение к образованию предполагает понимание его смысла и функций в пространстве социальной реальности и его роли в духовном воспроизводстве общества и самореализации личности, что находит конкретное проявление в ценностных ориентациях людей. Соответственно изменение ценности образования и знаний в условиях кризиса рассматривается как признак и фактор изменяющейся социальной реальности.

Образование как ценность (терминальная) определялась набором смысловых значений, таких как развитие способностей, потребность в познании, общая культура. В целом, по совокупности значений, терминальная ценность образования составила 49,7% в 2011 г. и 34,5% в 2014 г. Столь резкое снижение терминальной ценности образования, видимо, связано не только с кризисом, но и с образовательной политикой, проводимой в стране на протяжении всего постсоветского периода. Кризис лишь обострил негативные последствия этого процесса.

Самоценное отношение к образованию, исторически сформировавшееся в национальном архетипе, традиционно было присуще большинству россиян. На этом строилась советская система образования, что во многом определило ее качественное превосходство в мире. Реформирование образования в постсоветский период по западным образцам, направлен-

ное на его рационализацию, превращение в образовательную услугу, способствовало инструментализации ценности образования, особенно в молодежной среде. Постепенно снижаясь, доля россиян, разделяющих терминальные ценности образования, сравнялась в предкризисном 2011 году с долей сторонников инструментального отношения к нему. А среди молодежи в возрасте 18–29 лет уже в предкризисный период доля относящихся к образованию как к терминальной ценности стала заметно ниже (38,3%). Две трети молодежи (61,7%) придерживались инструментального отношения к образованию как к средству достижения других целей (диплома, престижа, карьеры).

В кризисном 2014 году среди молодежи отмечен некоторый рост значений терминальной ценности образования (с 38,3% в 2011 г. до 42,2% в 2014 г.). Это означает, что в условиях кризиса актуализируются для молодежи такие терминальные ценности, как развитие способностей (с 20,9 до 26,6%) и потребность в познании (с 12,6 до 15,1%), т.е. в молодежной среде возрастает их роль как фактора изменяющейся социальной реальности.

Для исследования ценности знания использовался вопрос, состоящий из нескольких альтернативных суждений, выбор которых предполагал соответствующую оценку. Альтернатива «Знание — это главное достояние человека» или «В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги» предполагает оценку понимания респондентом роли знания в жизнедеятельности современного молодого человека (соответственно терминальную или инструментальную ценность знания). Следующая альтернатива — «К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни»

или «Знания — не самоцель, а средство решения поставленных задач» — уточняет предыдущую оценку на выявление терминального и инструментального аспекта когнитивной ценности.

Анализ показывает, что среди россиян в целом значения терминальной ценности знания превосходят значения инструментальной ценности, соотношение которых практически не изменилось в условиях кризиса. Это проявилось в оценках суждений: «Знание — это главное достояние человека» (61,8% в 2011 г. и 61,5% в 2014 г.) и «К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни» (соответственно 59,4 и 57,8%). Среди молодежи также отмечается положительное сальдо в соотношении значений терминального и инструментального отношения к знаниям, причем в условиях кризиса значения терминальной ценности знания повышаются в оценках обоих суждений (соответственно с 54,2 до 61,1%, и с 53,7 до 56,2%). Хотя доля инструментальной ценности знания в молодежной среде остается высокой. В 2014 г. среди молодежи в возрасте 18–29 лет почти каждый второй (43,8%) считал, что знания — лишь средство решения поставленных задач, а 38,9% молодых людей убеждены, что деньги могут заменить знания.

Доминирование инструментальной ценности образования и достаточно высокие значения инструментального отношения к знанию в социальной реальности россиян свидетельствуют о противоречии традиционного отношения россиян к образованию с государственной политикой, проводимой в данной сфере. Во многом противоречие связано с внедрением профильного образования по выбору учащихся, а также с единым государственным экзаменом (ЕГЭ). Профильное образование

и введение ЕГЭ разрушило целостность познавательного процесса в школе, ограничив его узким кругом знаний, необходимых для поступления в вуз.

Больше половины молодых людей и их родителей целью общего среднего образования считают подготовку молодого человека к жизни, для чего необходимо, чтобы он овладел широким набором знаний и общей культурой. Причем эта позиция укрепилась даже в кризисном 2014 году. Как видно, она расходится с Федеральным образовательным стандартом для старшей общеобразовательной школы, где основной упор делается на профильное образование по выбору учащихся¹⁵. Каждый второй негативно относится к ЕГЭ (52,1% в 2011 г. и 56,9% в 2014 г.). Общеизвестным становится снижение качества знаний, приобретаемых в школе и вузах. В 2014 г. на вопрос «Насколько удовлетворены Вы или Ваши дети качеством знаний, получаемых по месту учебы?» неудовлетворенность в разной степени (скорее не удовлетворены и не удовлетворены) выразили: среди молодежи в возрасте 18-24 лет – 25,8%, в возрасте 25-29 лет – 29,8%, а среди родителей в возрасте 40-49 лет – 34,9%. Все это говорит о том, что ошибочный курс реформирования образования отразился в изменяющейся социальной реальности россиян в усилившемся в условиях кризиса противоречии – вынужденной необходимостью следовать ему при несогласии с его основополагающими принципами.

По степени значимости средних значений индексов кризисных изменений факторы изменяющейся социальной реальности распределились следующим образом.

¹⁵ Основные положения о профильном образовании в средней общеобразовательной школе вошли в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 30.12. 2012 г.

Повышающая тенденция влияния ценности образования в социальной реальности связана с получением диплома – 1,5 и с карьерой – 1,29. А понижающая тенденция – с развитием способностей – 0,81; с престижем – 0,78; с потребностью в познании – 0,6; с общей культурой – 0,48. То есть в условиях кризиса перечисленные инструментальные ценности образования играют определяющую роль в конструировании россиянами социальной реальности, что свидетельствует о повышающей тенденции влияния доверия образованию как возможности социального продвижения и понижающей – как фактору самореализации личности. В социально-групповом разрезе значимые изменения социальной реальности в сфере образования связаны с различным уровнем жизни, в зависимости от материального положения (1,16) и типа поселения (1,02).

Итак, из проведенного анализа следует, что в условиях кризиса усиливается противоречие между традиционным, исторически присущим россиянам отношением друг к другу, к семье, к труду, к образованию и современным, рационально-прагматическим отношением к ним как к объектам изменяющейся социальной реальности. Кризис, повлиявший на условия жизни каждого человека, поставил его перед необходимостью выбора между различными моделями поведения. При этом люди до определенного момента стараются сохранять привычные принципы, традиционно определяющие их образ жизни. Но, сталкиваясь с жизненными ситуациями, когда следование этим принципам перестает отвечать ожиданиям, люди испытывают состояние неопределенности, выход из которого видится им в смене жизненной парадигмы.

Состояние неопределенности усиливается непродуманной государственной по-

литикой, а также под влиянием средств массовой информации. Поиск иных жизненных принципов сопряжен с рисками в силу непредсказуемости последствий от обращения к ним. Усиливающаяся рискогенность изменяющейся социальной реальности не способствует повышению определенности в возникших ситуациях, препятствуя оптимальной реализации вы-

бранных стратегий. Преодоление возникшего противоречия связано с необходимостью повышения доверия в обществе, основанного на уверенности людей в жизненных принципах, исторически заложенных в менталитете россиян. Очевидно, что комплекс мер, направленных на достижение этой цели, должен найти отражение в антикризисной программе Правительства.

Литература

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. — М., 1995. — С. 9.
2. Головчин, М.А. Ментальные основы формирования образа жизни у молодежи: на материалах Вологодской области / М.А. Головчин // Проблемы развития территории. — 2016. — № 5. — С. 72-89.
3. Горшков, М.К. Российское общество как новая социальная реальность [Электронный ресурс] / М.К. Горшков. — URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gorshkov_Rossijskoe_obsc.pdf
4. Горшков, М.К. Российское общество как новая социальная реальность / М.К. Горшков // Россия реформирующаяся: ежегодник. — Вып. 6. — М.: Институт социологии РАН, 2007.
5. Горшков, М.К. Российское общество как оно есть / М.К. Горшков. — М., 2011.
6. Здравомыслов, А.Г. Теории социальной реальности в российской социологии / А.Г. Здравомыслов // Мир России. — 1999. — № 1-2.
7. Качанов, Ю.Л. Пространство-время, социальный мир и социальная реальность [Электронный ресурс] / Ю.Л. Качанов. — Режим доступа: http://www.isras.ru/files/31036-Sages_Katchanov_02.pdf.
8. Кляйненберг, Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность / Э. Кляйненберг. — М.: Альпина Паблишерс, 2012.
9. Кравченко, С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь / С.А. Кравченко. — М.: Руссо, 2002.
10. Кравченко, С.А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности / С.А. Кравченко. — М.: МГИМО-Университет, 2012. — С. 9.
11. Леонидова, Г.В. Трансформация социокультурных характеристик молодежи / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин // Здоровье молодежи: сравнительное исследование. Россия, Беларусь, Польша: коллективная монография. — М.: Экон-Информ, 2016. — С. 191-208.
12. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // www.gks.ru
13. Регионы России: социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 1266 с.
14. Российское общество и вызовы времени. Книга первая [Текст] / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. — М.: Весь мир, 2015. — 336 с.
15. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] / Росстат. — Режим доступа : <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>
16. Чупров, В.И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович. — М.: Норма, 2014.
17. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социс. — 2001. — № 1.
18. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ. — М., 1996.
19. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. — М.: Логос, 2005.
20. Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках / А. Шюц // Американская социологическая мысль. — М., 1994.
21. Alexander J.C. The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology. N.Y.: Oxford University Press, 2003.
22. Bauman Z. Culture in a Liquid Modern World. Cambridge: Polity Press, 2011.

23. Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009.
24. Berger P, Lucman T., The Social Construction of Reality. N.Y., 1967.
25. Ilišin V., Bouillet D., Gvozdanović A., Potočnik D. Youth in a Time of Crisis. Institute for Social Research – Friedrich Ebert Stiftung, Zagreb, 2013.
26. Sánchez-Bayón, A. (2014). Global System in a Changing Social Reality: How to Rethink and to Study It.
27. Beijing Law Review, Beijing Law Review, 2014, 5, 196-209. <http://dx.doi.org/10.4236/blr.2014.53019>
28. Schutz A. The Phenomenology of the Social World. London, 1972, p. 64. Social Reality. Perspectives band understanding. Janak Pandey Ed. Naurang Rai Concept Publishing Company New Delhi. 1988.
29. Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.
30. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Risk environment as social reality change factor: the problem of social regulation // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Социология и управление». – Т. 1, № 4(6), 2015.

Сведения об авторах

Юлия Альбертовна Зубок – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, uzubok@mail.ru)

Владимир Ильич Чупров – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, chuprov443@yandex.ru)

Zubok Yu.A., Chuprov V.I.

Changing Social Reality amid Crisis in the Russian Society

Abstract. The sociological interpretation of reality and the processes occurring in it is determined by various approaches to understanding its nature. The diversity of these approaches is eventually reduced to its definition as a reality of the social world, which reflects, on the one hand, objectively existing phenomena and processes and, on the other hand, people's subjective perceptions about the objective reality. Social actuality as objective social reality exists beyond the subject of social cognition, i.e. objectively. Each new generation inherits from their parent generations a complex system of economic, social and political structures, institutions, organizations and the established relationships which form the social infrastructure of objective reality (social reality). But people perceive directly only the part of objective reality in which they have their own knowledge. Due to knowledge of its particular sphere or different objects of reality, people get its more or less adequate subjective perception. Therefore, the study of social reality focuses on the process of formation of subjective ideas about the objects of social actuality and attitudes to it, which is included in the subject area of sociology of knowledge. That is, from the standpoint of sociology of knowledge, the research object is not reality, but ideas about the reality. Based on subjective perceptions of reality, people construct their own reality. These perceptions change under the influence of various factors affecting the changes in social reality in the process of its formation. A significant change factor is the crisis which affects all spheres of the Russian society. The article analyzes the impact of the crisis on the changes in social reality in different population groups in Russia and the way it is reflected on people's attitudes to each other, to family, work and education. Based on analysis of data from nationwide studies it has been revealed that there is a contradiction between Russians' traditional attitudes to each other, family, work and education and the emerging modern attitudes. Amid crisis, this contradiction

tends to exacerbate due to the impossibility of maintaining the traditional principles underlying the old way of life, which leads to uncertainty and formation of new forms of certainty through the change in life paradigm.

Key words: changing reality, crisis, interpersonal interaction, family, work, education.

References

- Berger P., Luckman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of Reality. A treatise on sociology of knowledge]. Translated from English. Moscow, 1995. P. 9. (In Russian).
- Golovchin M.A. Mental'nye osnovy formirovaniya obraza zhizni u molodezhi: na materialakh Vologodskoi oblasti [Mental bases of formation of young people's lifestyle: case study of the Vologda Oblast]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 2016, no. 5, pp. 72-89. (In Russian).
- Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak novaya sotsial'naya real'nost'* [Russian society as a new social reality]. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Gorshkov_Rossiiskoe_obsc.pdf. (In Russian).
- Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak novaya sotsial'naya real'nost'* [Russian society as a new social reality]. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [Russia in reform: yearbook], issue 6. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2007. (In Russian).
- Gorshkov M.K. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est'* [Russian society as it is]. Moscow, 2011. (In Russian).
- Zdravomyslov A.G. *Teorii sotsial'noi real'nosti v rossiiskoi sotsiologii* [Theories of social reality in the Russian sociology]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 1999, no. 1–2. (In Russian).
- Kachanov Yu.L. *Prostranstvo-vremya, sotsial'nyi mir i sotsial'naya real'nost'* [Space and time, social world and social reality]. Available at: http://www.isras.ru/files/31036-Sages_Katchanov_02.pdf.
- Klinenberg E. *Zhizn' solo. Novaya sotsial'naya real'nost'* [Going solo. The extraordinary rise and surprising appeal of living alone]. Moscow: Al'pina Publishers, 2012. (In Russian).
- Kravchenko S.A. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii russko-angliiskii slovar'* [Sociological encyclopedic Russian-English dictionary]. Moscow: Russo, 2002. (In Russian).
- Kravchenko S.A. *Stanovlenie slozhnogo obshchestva: k obosnovaniyu gumanisticheskoi teorii slozhnosti* [The establishment of a complex society: revisiting the substantiation of the humanistic complexity theory]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2012. P. 9. (In Russian).
- Leonidova G.V., Golovchin M.A. Transformatsiya sotsiokul'turnykh kharakteristik molodezhi [Transformation of youth's socio-cultural characteristics]. *Zdorov'e molodezhi: sravnitel'noe issledovanie. Rossiya, Belarus', Pol'sha: kollektivnaya monografiya* [Youth health: comparative research. Russia, Belarus, Poland: a multi-author monograph]. Moscow: Ekon-Inform, 2016. Pp. 191-208. (In Russian).
- Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official website of the Federal State Statistics Service]. Available at: www.gks.ru. (In Russian).
- Regiony Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2015: stat. sb. [Russian regions: socio-economic indicators. 2015: statistical book]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Moscow, 2016. 1266 p. (In Russian).
- Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (Eds.). *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya* [Russian society and the challenges of time. Book 1]. Moscow: Ves' mir, 2015. 336 p. (In Russian).
- Tsentrал'naya baza statisticheskikh dannykh [Central statistical database]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>. (In Russian).
- Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. *Otnoshenie k sotsial'noi real'nosti v rossiiskom obshchestve: sotsiokul'turnyi mekhanizm formirovaniya i vosproizvodstva* [Attitudes to the social reality in the Russian society: socio-cultural development and reproduction mechanism]. Moscow: Norma, 2014. (In Russian).
- Sztompka P. *Sotsial'noe izmenenie kak travma* [Social change as a trauma]. *Sotsis* [Sociological studies], 2001, no. 1. (In Russian).
- Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [The sociology of social change]. Translated from English. Moscow, 1996. (In Russian).
- Sztompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of modern society]. Moscow: Logos, 2005. (In Russian).

20. Schutz A. Formirovanie ponyatii i teorii v obshchestvennykh naukakh [The development of concepts and theories in social sciences]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow, 1994. (In Russian).
21. Alexander J. C. *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. New York: Oxford University Press, 2003.
22. Bauman Z. *Culture in a Liquid Modern World*. Cambridge: Polity Press, 2011.
23. Bauman Z. *Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty*. Cambridge: Polity Press, 2009;
24. Berger P, Lucman T., *The Social Construction of Reality*. New York, 1967.
25. Ilišin V., Bouillet D., Gvozdanović A., Potočnik D. *Youth in a Time of Crisis*. Institute for Social Research – Friedrich Ebert Stiftung, Zagreb, 2013.
26. Sánchez-Bayón, A. (2014). Global System in a Changing Social Reality: How to Rethink and to Study It. *Beijing Law Review*, 2014, no. 5, pp. 196–209. Available at: <http://dx.doi.org/10.4236/blr.2014.53019>
27. Schutz A. *The Phenomenology of the Social World*. London, 1972, p. 64.
28. J. Pandey (Ed.) *Social Reality. Perspectives band understanding*. Naurang Rai Concept Publishing Company New Delhi. 1988
29. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003
30. Zubok Yu. A. Chuprov V.I. Risk environment as social reality change factor: the problem of social regulation. *Setevoi zhurnal «Nauchnyi rezul'tat»*. Seriya "Sotsiologiya i upravlenie" [Online journal "Scientific result". Series "Sociology and management"], volume 1, no. 4(6), 2015.

Information about the Authors

Yuliya Al'bertovna Zubok – Doctor of Sociology, Professor, Institute of Socio-Political Research (ISPR RAS), Head of Department for Youth Sociology (6, Fotieva Street, Building 1, Moscow, 119333, Russian Federation, uzubok@mail.ru)

Vladimir Il'ich Chuprov – Doctor of Sociology, Professor, Institute of Socio-Political Research (ISPR RAS), Chief Research Associate at the Department for Youth Sociology (chuprov443@yandex.ru)

Статья поступила 01.11.2016.